

Татьяна Воеводина о мужчинах, женщинах и семье.

В день 8-го марта хочется написать что-нибудь тематическое, по женскому вопросу. Впрочем, вру – давно хотелось, но как-то не складывалось. Вот начинаю сегодня.

Скоро человечество сможет отметить юбилей – 100 лет женского равноправия. Некоторое неудобство состоит в том, что точной даты нет. В любом случае, женщины начали работать вне дома после I Мировой войны. А Октябрьская революция наделила женщину теми же правами, что мужчине. Тут русские женщины оказались несомненно впереди всех: нигде в мире такого на ту пору ещё не было. Даже простое избирательное право было введено для женщин разных стран гораздо позднее. Мне скучно писать, когда и где оно было введено, кому охота – найдите сами даты.

Почти 100 лет женщина работает вне дома. Раньше всего и интенсивнее всего она это делает в России.

Вообще, в СССР с самого начала советской власти идеалом и образцом была провозглашена именно работающая женщина, домохозяйка представлялась пережитком прошлого, проявлением «старого быта». Работница в красной косынке, депутат, делегат, комсомолка-вузовка – вот приметы нового времени. Конечно, домохозяек было много, но идеал, образец, мечта – был там, на работе. Женщина, как учили, могла достичь любых вершин: стать инженером, учёным, депутатом Верховного Совета (там, кстати, были специальные квоты для женщин – кажется, тридцать процентов). Про медичек с учительницами – и говорить нечего, эти шли сплошняком. Девушкам был открыт широчайший доступ к высшему образованию, и в результате по показателям образования женщины опередили мужчин. Во всяком случае, к концу советской власти, я читала, показатель охваченных «верхним» образованием среди женщин был несколько выше, чем среди мужчин.

Было множество тёток-инженерш, я видывала целые проектные институты, где прямо-таки преобладала женская рабсила. Это, кстати, специфически советская реалья: за границей женщин-инженеров очень мало. Моя мама была инженером-механиком, свекровь – инженером-химиком.

С определённым отставанием от нас, но и на Западе женщины двинулись на работу. Этому способствовало постоянное увеличение конторских рабочих мест, которые подходят женщинам.

Сегодня в белом человечестве женщины в основном работают. Молодые девушки ориентируются на карьеру, выйдя замуж и родив, стараются как-то так устроиться, чтобы работу не бросать. Но даже если и бросают и становятся домохозяйками, это общего тренда не меняет. Идеал, мечта, образец – это женщина работающая. А идеал важнее реальности. Если есть идеал – реальность подтянется. Так происходит во всех европейских странах.

Дольше всех держалась, по моим впечатлениям, Германия. Там долго жила фундаментальная немецкая идея: немецкая женщина не должна работать вне дома. Она в первую очередь мать, жена, подруга усталого бойца в конце концов. Немецкие социал-демократы столетней давности, в отличие от русских коллег, считали, что женщина не должна идти на производство. Они боролись за то, чтобы рабочий зарабатывал достаточно, чтобы содержать жену и детей. Женщина – фабричная работница виделась

им как ненормальность, отклонение от правильного порядка вещей. А вот русские социал-демократы защищали права работниц с самого начала. Нашим социалистам фабричная работница, пролетарка, виделась самостоятельной фигурой. Они не стремились вернуть её на кухню. Напротив, они боролись за то, чтобы организовать ясли, детсады, домовые кухни, т.е. освободить её от «кухонного рабства», как это тогда называлось. У меня на работе висит плакат того времени с характерным лозунгом: «Долой кухонное рабство, даёшь новый быт!»

Важную роль тут сыграла, возможно, лично тов. Коллонтай – провозвестница нового быта, новой любви и вообще новая женщина. Одарённая публицистка, влиятельная революционерка, пылкая феминистка, она много сделала для насаждения идеала самостоятельной, независимой, работающей женщины. Есть семья – хорошо, нет – ещё лучше. «Мне любовь не свадьбой мерять, разлюбила – уплыла; мне, товарищ, в высшей мере наплевать на купола», - поэтически перелагал идеи Коллонтай Маяковский.

А в Германии даже во время II Мировой войны старались сохранить немецких женщин для дома и семьи. Альфред Шпеер, гитлеровский министр военной промышленности, в своих воспоминаниях пишет, что безуспешно пытался убедить нацистскую верхушку мобилизовать для работы в промышленности немецких женщин, а не тех, кого пригоняли на работы с оккупированных территорий: немецкие женщины хоть по-немецки понимают. Но вплоть до самого конца войны массовой работы женщин в Германии не было. Не было её и после войны.

Но сегодня и этот бастион пал. Сегодня немки работают, и роль матери и домохозяйки кажется молодым женщинам убогой и устарелой.

В общем, так или иначе, белые женщины работают вне дома почти сто лет. Ну, пятьдесят уж наверняка и массово. У нас-то почти все сто. Большой срок. Массовый эксперимент. Пора подвести итоги.

Чего же они, тётеньки, достигли? И чего достигло человечество вообще, отправив своих женщин массовым порядком на работу или, правильнее сказать, допустив такое положение?

Для начала зададим простой и лежащий на поверхности вопрос: чего женщины достигли в профессиональной сфере?

Ответ: НИЧЕГО.

На первый взгляд, кажется странным и возмутительным: как то есть – ничего? Столько вокруг докторов наук, не говоря о кандидатах, начальниц департаментов, одних федеральных министров вон несколько голов. И это, по-вашему, ничего?

Да, это и есть ничего.

Ни одна женщина не стала выдающимся – без натяжки – учёным. Не женщиной-учёным, а великим учёным, и притом женского пола. Улавливаете разницу? Нет таких. Может быть, великим философом? Писателем? Художником? Ну, таким, чтоб номер один? Нет таких. Может, политиком кто-то стал? И этого нет.

Максимум максимум женщина становится НЕ ХУЖЕ мужчины. Не будь этой тётки, пришёл бы самый обычный более-менее рядовой мужичонка на это место и сделал бы то же самое. А носятся с этой якобы великой тёткой не потому, что она сделала что-то особенное, а просто потому, что – надо же! – она женщина. Возьмите любую великую женщину. Вот, пожалуйста, женщина-математик Софья Ковалевская. Обычный рядовой математик, будь мужиком – никто бы и не почесался. А её помнят, у нас в кабинете математики в школе её портрет висел, потому я и запомнила её титул «женщина-математик». Титул, кстати, смешной, нелепый и даже обидный. Не математик, а именно «женщина-математик».

Или та же Маргарет Тэтчер, «железная леди». Все в восторге. А будь на её месте мужчина, сделавший ровно то же самое, - ну был бы и был, и ничего особенного.

Но даже если и есть какие-то особо выдающиеся женщины, достигшие особых успехов в работе, - всё равно они исключение из исключений. (Кстати, я их не вижу – подскажите, если вспомните).

На всём, что делает женщина, лежит печать подражательности и второсортности. Правильнее, вероятно, сказать не второсортности – вторичности. Вся женская мудрость – это перепевы мудрости мужской. Женщины оказываются хорошими популяризаторами чьих-то идей, переводчицами – в широком смысле слова. Часто они оказываются хорошими переводчицами и в самом прямом смысле слова.

В работе женщины часто оказываются тем, что им предписано природой, - подругами, помощницами мужчины. Если поскрести, именно этим они и являются. Вокруг каждого крупного мужчины-профессионала – стайка помощниц-поклонниц. (Не всегда, но часто). Максимум, что они могут – распространять, популяризировать его идеи. Женщины - неплохие преподавательницы, журналистки. Преподавателей и журналистов Хайек очень правильно называл «торговцами подержанными идеями». Вот в этом женщины очень успешны.

Впрочем, не только идеями торгуют женщины вполне успешно – они вообще хорошие торговцы. Продаёт женщины хорошо по двум причинам. Во-первых, они инстинктивно владеют искусством обольщения, а продажа – это всегда акт обольщения. Во-вторых, они в подавляющем большинстве принадлежат к верующему, а не скептическому складу сознания. А для того, чтобы убедить покупателя купить что-нибудь ненужное, следует сначала самой пылко уверовать в то, что это ненужное – на самом деле самое нужное и при этом превыше всего сущего. Женщины в этом деле незаменимы. Тут они вполне первосортны.

Женщины- инженерши – особая песня. Я их знала много, инженером была и моя мама. Она тихо ненавидела технику, но была человеком дисциплинированным и делала что велит. Под её влиянием у меня сложилось твёрдое, нерассуждающее представление, что работа – это отврат. Ну, может, я утрирую, но, в общем, работа – это долг, тягость, а не смехи-потехи. Если мне что-то нравилось, у меня было твёрдое ощущение, что работой это занятие быть не может.

Говорят, что некоторые женщины достигают успехов в технических областях. Но поскребите и увидите, что это состояние ПРИ технике: проведение семинаров, симпозиумов, маркетинг, ну и , конечно, продажи. Моя мама-инженер занималась подготовкой материалов для аттестации станков на знак качества, организацией выставок. Ровно тем же занималась свекровь: сертификацией резиновых изделий. Мама моей знакомой, инженер аж ядерный физик, выпускница МФТИ, занимается надзором над экологическими последствиями ядерной энергетики. Так что всё это состояние ПРИ. Даже великая Ольга Дергунова, представительница Microsoft в России, чьё имя произносят как знак женских успехов в такой современной и динамично развивающейся отрасли и т.д. и т.п. , так вот эта дама, в сущности, торговка. Встреть она не Билла Гейтса, а мирового производителя колготок – её успех был бы равновелик.

В технике женщины беспомощны и уж, во всяком случае, ничего творческого создать не в силах. Помню, моя мама, когда ей нужно было наладить швейную машинку, звала на помощь своего внука-подростка. Он не изучал теории механизмов и машин, которую изучала она, инженер-механик, но как-то интуитивно соображал, как усмирить эти железки, с которыми она так навсегда и осталась на Вы.

Писательницы, журналистки – несть им числа. Когда-то дамы писали письма и дневники, есть мнение, что художественная проза, беллетристика родилась из дамских писем. Теперь дамы пишут в СМИ. Иногда это бывает занятно, но никогда по-настоящему оригинально по мысли. Если и бывает что-то оригинальное, то это исключение из исключений.

Вот такие, в самом беглом изложении, женские профессиональные успехи. Теперь самое время поговорить, чем за них заплачено.

Заплачено за эти – скромные – достижения ни много ни мало – **ВЫРОЖДЕНИЕМ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.**

Преувеличение? Да какое уж тут преувеличение, когда налицо скорее преуменьшение. Во **ВСЕХ** развитых странах с преобладанием белого населения наблюдается депопуляция. Население, попросту говоря, уменьшается. Вымирает население. А если взять не всё население, включающее в себя гастарбайтеров и их потомков, а только исконное белое, то картина получится и вовсе пугающая.

Важнейшим и нагляднейшим демографическим параметром является очень простая и легко понятная цифра – количество детей, рождённых одной среднестатистической тёткой за всю её женскую жизнь. Так вот и у русских, и у немцев, и у французов эта цифра не дотягивает до двух. У американцев чуть больше двух, но, уверена, если посмотреть показатели не в целом, а по **WASP**, то выйдет меньше. Чтобы всего лишь заместить родителей, надо твёрдо родить парочку, ну и поработать за тех, кто не родил вообще или ребёнок погиб и т.п. Попросту говоря, надо, чтобы половина семей имела двоих детей, а вторая половина – троих.

Этого нет и близко. И в пресловутое «наше время», когда, рассказывают, сметана была гуще, а молодёжь почтительнее, этого не было. В 60-е годы среди моих подружек и друзей только в одной семье было трое детей, да и то младшие были близнецы, так уж получилось. А так – один-два.

Почему так происходит? Почему на современную женщину не слишком-то влияют экономические стимулы? Спасибо, конечно, ежели подкинут деньжат, но детей она родит всё равно столько, сколько считает нужным. Не будь стимулов, возможно, родила бы меньше, чем считает нужным, но заставить её **ХОТЕТЬ** больше детей – крайне трудно.

Дети не в кошельке, а в голове – вот в чём штука-то. Ещё при советской власти проводились такие опросы: сколько бы детей вы хотели иметь при самых благоприятных условиях. Отвечали обычно: двух. Это при идеальных условиях, которых в реальной жизни никогда не бывает: кому-то надо поменять квартиру, кому-то закончить диссертацию, кому подремонтировать дачу.

Наличие детей и их количество – это часть обобщённого представления о желанном и престижном образе жизни современной женщины и вообще современного человека. Именно это представление ведёт человека по жизни, руководит его выборами, заставляет совершать разные, иногда странные и нелепые, поступки.

В моём поколении, в 70-80-е годы, иметь детей числом больше двух считалось **НЕПРИЛИЧНО.** Нафиг такая прорва? Ну, родила ты одного, познала, так сказать, счастье материнства, ну и ладно, хватит, займись ещё чем-нибудь. Продвинутые, те, что сейчас именуются «креативным классом», имели мало детей. Это был своего рода социальный стандарт, показатель продвинутости, причастности к высшим ценностям. Я не хавронья, не крольчиха какая-нибудь. Я тоже научный работник (старший экономист, младший редактор), у меня развитые культурные интересы. Мне рассказывал один пожилой знакомый. Он и его жена в 70-е годы работали в престижном институте

Академии Наук, каких много было возле Профсоюзной – Академической. Так вот, когда они затеяли родить второго ребёнка, знакомые пожимали плечами: зачем? Делать что ли нечего? И дело, заметьте, вовсе не в том, что это было очень трудно, невозможно прокормить и вообще «поднять». Всё это было вполне возможно и даже не слишком трудно – просто неинтересно, неохота, не престижно.

Именно таким простым способом объясняется то, что многим кажется каким-то дивным парадоксом: разрухи, войны, голод-холод – а бабы рожают. Стало гораздо сытнее и теплее – бабы рожать перестали. А рожать они перестали потому что их интересы сместились на другое поле.

Придумали даже термин – «демографический переход». Якобы он у нас пал на рубеж 50-60-х годов. Знаете, как часто бывает: сказали слово – и вроде объяснили, рассеяли все недоумения. Вот такую роль сыграл этот самый «демографический переход». Вроде как это что-то объективное, вроде закона природы, на что не могли покуситься, против чего не попрёшь. А на самом деле просто произошло смещение интересов женщин с семьи на социальный успех. И то, что происходит дома, стало казаться скучным, плоским, банальным и недостойным того, чтобы на это тратить силы. Как-то попалась статья, где психолог недоумеваает: когда воду надо было таскать от колонки, стирать руками и готовить на керосинке, молодые мамы не уставали так сильно и злокачественно, как теперь, когда стирает машинка-автомат, детское питание из баночки, памперсы одноразовые и т.п. Сплошные удобства, а она валится с ног. Оттого и валится, что работа эта ей скучна и докучна. Каждый это хорошо знает: что кажется важным и интересным – не утомляет.

Я хорошо помню это ощущение молодой мамашки: где-то там идёт большая и значительная жизнь, а я тут занимаюсь чепухой, я в стороне от настоящего и интересного. Это ещё можно потерпеть несколько месяцев, но никак нельзя считать настоящей жизнью, жизнью навсегда. Не этим самоутверждается современная женщина.

Это ведь стратегически важно: чем человек самоутверждается. Если ЭТО престижно, вынести трудности – легко. Мало того, если ЭТО престижно – трудности легки и сладки. А вот если это не престижно, то даже умеренные затруднения кажутся невыносимой доуккой. В современном мире иметь детей – не престижно. Не стыдно, но и не престижно. То есть бездетная женщина, одноклеточная женщина и, положим, трёхдетная уважаются на одном уровне. А если бездетная ещё и начальница какая-нибудь или свой бизнес имеет – то ей респект и уважуха несравненно выше, чем многодетной мамашке. А эта, которая вгрозхла свою жизнь в сопливых, ну и дура, сама виновата. Никто ей за это спасибо не скажет. Вот так сегодня ставится вопрос – если по существу, а не политкорректно.

В «Анне Карениной» есть эпизод: Долли с детьми (их, кажется, шесть) собирается на пасху в церковь. Они все наряжены, она ими гордится и хочет, чтобы Левин увидел её во всей её «славе» - так сказано в тексте. То есть много детей – это предмет гордости, это её самоутверждение. Достижение. Других достижений тогда у неё быть не могло.

В последнее время стали возникать молодые женщины, посвящающие себя дому и детям. Есть такие. Но это весьма богатые граждане – с мамками-няньками, особняками в пригороде и прочим соответственным. Это – престижно. Но престижны тут не дети, а деньги. А вот простая тётенька мается на небольшие деньги с тремя сопливыми, с ног сбивается, копейки экономит. Престижно? Как бы не так!

Ну и конечно, работать вне дома легче, чем дома. Конечно, работы разные бывают, это ясно, но заурядная женская конторская работа – многократно легче домашней. Сидеть за компьютером – менее ответственно и энергозатратно, чем воспитывать

нескольких детей. Я иногда бываю в одной семье, где шестеро детей – от 18 до трёх лет, из этой семьи подружка моей дочери. Мама там – настоящий руководитель среднего предприятия. Купить и привезти продукты, приготовить еду, проконтролировать учёбу, всех расставить по местам и дать всем задания – ох, лучше я пойду поработаю! Главное, домашняя вахта никогда не кончается, от неё нельзя уйти в отпуск, её нельзя отложить на потом. И это работа на всю жизнь: как раз к пенсионному возрасту она выведет в люди последних детей. А там и внуки подспеют. Ну и нафиг нужно, - рассуждает современная женщина.

Мои служащие, возвращающиеся из «декрета», все в один голос отмечают: на работе лучше. И то сказать: подружки, сплетни, какие-то происшествия, да к тому же и зарплату платят. И мужу можно сказать сурово: «Я работаю точно так же, как и ты». Знаю только одну мою сотрудницу, которая осталась сидеть дома после «декрета», да и то у неё что-то с садом не получилось.

А поскольку люди обычно выбирают то, что более престижно и одновременно что менее энергозатратно – совершенно понятно, что женщины выбирают карьеру, а не семью. Придумать и объяснить, почему так, – очень просто. Зачем же я училась? Ведь у меня такая ценная профессия. Как мы проживём на одну зарплату? Я тоже хочу усовершенствоваться и расти, а не сидеть в четырёх стенах. И все эти объяснения – не лишены разумности. Вполне резонные объяснения.

Но интегральный результат такой – белое население вымирает. Оно активно замещается другим, пришлым, населением – небелым. И, естественно, через несколько поколений белые станут национальными меньшинствами в когда-то своих странах. А как хорошо всё начиналось: женские права, сознательное материнство, право на выбор – ну, сами знаете.

Если женщине предоставить выбор: быть домохозяйкой и матерью большой семьи или работать вне дома – большинство сегодня выбирает второе. Потому что – легче и престижнее. И не надо влиять – что-де можно совместить одно с другим, зачем противопоставлять, можно всё успеть и суметь... Нельзя! Одного-двух детишек ещё как-то можно воспитать между делом, а трёх и больше – не выйдет. Да и НЕ БУДЕТ она, работающая и делающая карьеру, рожать троих. Нафиг они сдались.

Речь вообще идёт вот о чём. В целом, в массе, в среднем случае, на что ориентированы женщины: на семью или на работу вне дома? Там, где они в массе ориентированы на работу – начинается (и успешно продолжается) вымирание. Вот так стоит вопрос. Отдельные особи женского пола могут выбрать карьеру, политику, искусство, могут не выходить замуж или оставаться бездетными – не они делают погоду. Во все времена такие люди были. Погоду делают массовые процессы, простые, ничем не отмеченные девчонки и тётеньки. Сегодня они ориентированы на работу, карьеру, интересную жизнь. А семья-дети – это так, как уж там придётся.

Вот такая цена была заплачена белым человечеством за эмансипацию, равноправие, женское образование, сознательное материнство и прочие замечательные вещи. Как невиннейшая засвеченная фотопластиночка привела человечество впоследствии к атомной бомбе, точно так и хорошие, правильные и вполне невинные идеи Клары Цеткин и Розы Люксембург – привели к атомной бомбе другого рода, которая к тому же уничтожает людей без лишнего грохота и радиационного загрязнения местности – так, знаете, деликатно и незаметно.

Но это не единственное последствие эмансипации и массового женского труда вне дома. Есть и другие. О них – дальше.

Эмансипация, равноправие и всеобщая работа белых женщин вне дома существеннейшим образом преобразили и мужчин тоже. И по-другому быть не могло. Мужчина и женщина – это не отдельные существа. Это две ипостаси одного – человека. Недаром естественное народное представление: холостой – это недочеловек, полчеловека. Такие неполиткорректные высказывания в изобилии имеются в сборнике «Пословицы русского народа», каждый может ознакомиться. Там есть и оскорбляющая уши любой прогрессивной феминистки сентенция: «Жизнь без мужа – поганая лужа». Не случайно и полноправный римский гражданин, и член русской крестьянской общины – это не свободная независимая личность. Это семейный, женатый мужик. То есть по существу, по сути дела, человеком признаётся ПАРА. Почему говорится о тягловом мужике, а не о паре? Да просто потому, что он, мужик, представляет пару в сношениях с внешним миром.

Наверняка найдётся глубокий эконоом, который скажет: ну что вы такое плетёте? Тогда было невозможно прожить в одиночку: мужик пашет – баба дома горшки ворочает, а теперь всё прогрессивно и политкорректно. Сейчас образец современной прогрессивной личности – «менеджер с посудомоечной машинкой» (это образ современного человека из книжек забавного писателя Никонова). Поэтому ответу эконоому в превентивном, так сказать, порядке. В те дикие времена, когда личность не уважалась с надлежащим трепетом, а бабы знали своё место (равно как, впрочем, и мужики), белое человечество на утлых судёнышках переплывало океан, покоряло и заселяло!!! Сибирь, осваивало Дикий Запад, строило величественные сооружения практически вручную, прокапывало каналы и делало впечатляющие открытия. А вот теперь при громадной технической базе, наработанной в прошлых поколениях, жизнь скукоживается, сдувается, территория оголяется и народ просто не мыслит взяться за какой-то масштабный проект. Об этом я, кстати, недавно писала в посте «Проект закрытия России».

Вернёмся, впрочем, к мужчинам-женщинам.

Простые люди называют жену «моя половина» - так закрепилось в языке. А почему? Да потому что человек – женщина ли, мужчина – это лишь половина целого. Недаром один он не может размножаться – размножается пара. (Получение людей в колбе или инкубаторе – достояние фантастики). Отсюда, наверное, пошла древняя легенда, дошедшая до нас в изложении Платона, что боги разделили прежнего единого человека на две половины, которые с тех пор озабочены поиском друг друга. Восточное учение об инь и янь – по-своему выражает ту же мысль.

Совершенно очевидно, что, если мужчины и женщины – это неразрывное единство, даже не единство, а две стороны одного и того же, не может быть так, что одно изменилось, а другое осталось прежним. Даже в семье или в коллективе при выбытии человека, игравшего какую-то роль, эту роль немедленно берёт на себя кто-то другой. Положим, умер отец – мать поневоле становится «отцом»: более решительной, авторитарной, мужественной. При удалении из коллектива скандалиста – вот бы всем вздохнуть, а нет! Станным образом его роль переходит к кому-то другому, и скандалист по-прежнему тут как тут.

Так вот что случилось с женщинами? Они взяли на себя роль мужчин – стали работать вне дома. Я уже писала, что ничего выдающегося женщины не совершили, их деятельность вторична, хотя, разумеется, среди них есть успешные работники и полезные специалисты. Их самомнение возросло многократно: я такой же профессиональный работник, как и ты! Я тоже добытчик, я не хуже тебя! Ну а где не хуже, там рукой подать до «лучше тебя». Тётки стали требовательны, авторитарны,

скандальны. Всякие там женские штучки, обходные манёвры – сданы на свалку истории. Я работаю так же, как и ты. Ты обязан, ты должен, не нравится – проваливай. Уважать? Его? Этого? Да что ты мелешь: за что мне его уважать?

Теперь им нужны особенные, выдающиеся мужчины. Приспосабливаться к тому, которого Бог послал – не на таковскую напали. Требуется пусть не олигарх, но топ-менеджер крупной корпорации как минимум. А если он как-то растерялся в жизни, зарплата его недостаточно велика – однозначно гнать такого в шею! Ободрять, вдохновлять, присоветовать что-нибудь полезное – такие паттерны поведения напрочь утрачены современными женщинами. На всякое затруднение одна реакция – гнать его, тунейдца, взашей. Матом его, матом! И ребёнка отнять. Нечего тут! Широкое внедрение женского мата идёт рука об руку с эмансипацией. Забавно, что в моём блоге матерятся строго и исключительно дамы. Воображаю, как они обращаются со своими спутниками, ежели в хвост и в гриву матерят незнакомого человека всего лишь за мнение, отличное от их собственного.

Молодые женщины почти напрочь лишены кокетства, женской игры, им чужд флирт, они даже не знают, что это такое (проверяла на своих служащих). Единственное их оружие – прямая агрессия. В том числе и сексуальная. Посмотрите на картинки журналах. Кажется, если долго смотреть, вылезет губасто-грудастая из страницы, набросится и разорвёт в клочки. Это, между прочим, тоже отдалённое следствие эмансипации. Агрессия ведь мужское поведение. Женщина достигает своего совсем другими средствами. Вернее раньше достигала.

А сегодня молодые девушки утратили прежние женские уловки, которыми наши прабабушки умели подчинить себе мужчин, да так, что те всю жизнь воображали, что это они её завоевали. Помню, моя бабушка меня, маленькую, учила: мужчину надо уважать, всё лучшее в жизни от них, они наши защитники. Само по себе это совершенно верно. Мы живём в мире техники, а кто её изобрёл и сделал? Вот именно. Учила бабушка, помнится, и женским уловкам: как заставить папу сделать то, что я хочу. Надо сказать: «Как ты велел, я пойду с подружкой в театр». Он ничего такого не велел и даже был слегка против театра, но «ты велел» звучит для всякого мужчины дивной музыкой. «Мужчина ведь повелитель», - лукаво подмигивала бабушка. А что он там велел – он и не помнит толком, кто это запоминает? Проверено – действует не только на папе. Проявлять неподдельный интерес, дать мужчине рассказать о себе, дать ему проявить себя с лучшей стороны – нет, не умеют этого современные девушки. Они вообще какие-то резкие, холодные, неуютные. Очень доступные (вот уж «теория стакана воды» на марше) и при этом какие-то пустые. Мне даже жалко бывает молодых мужчин.

Мне кажется, и «голубизна» имеет тот же исток: если уж баба стала каким-то недомужиком – лучше уж обходиться с товарищем, от этого хоть понятно, чего ждать, да и по пиву сходить сподручнее.

Довольны ли женщины - свободные, амбициозные, УСПЕШНЫЕ (в том специфическом смысле, который придаётся сегодня этому слову) – так вот довольны ли они своим положением?

Крайне недовольны! О чём говорят они в раздевалках фитнес-центров, в кафе-ресторанах, куда всё чаще ходят с подругами, а не с кавалерами, или на домашних посиделках за чаем, а теперь всё чаще за бутылкой с сигаретами? Говорят они на все лады об одном: все мужики – сво... Любые публикации на эту тему встречаются на ура. У каждой есть что прибавить: это ещё что, а вот бывает...

Инфантильные, безответственные, мало зарабатывающие, имеющие ещё к тому же дурацкие претензии и воображающие о себе чёрт знает что, полагающие себя пупом

земли, а свою копеечную с позволения сказать работу в занюханном НИИ – центром мироздания. Гнать, безусловно гнать. И чем скорее, тем лучше. Пока ещё не стара и шансы есть. Какие шансы? Ну, естественно, найти НОРМАЛЬНОГО мужика. А от этого инфантила никакой пользы нет – слышите вы? Пользы нет от него, нафиг мне его по жизни волочить на горбе. Спасибо большое, пускай его мамочка волочёт.

Множество моих знакомых побросали своих мужей по причине их, мужей, бесполезности. Нафиг он такой сдался – три Т: тапочки, тахта, телевизор. У нормальных мужиков бизнес, у нормальных мужиков деньги, а этот – что?

Вскоре, впрочем, выясняется, что и второй, и третий (смотря по бойкости дамы) – примерно одно и то же. И дама оказывается одна с ребёнком и своими амбициями. Случай крайне распространённый. Известно, что типичный инициатор развода у нас женщина. Хорошо ей? Да нет, вроде не очень. Хорошо мужику? Тоже неважно. Ребёнок растёт на стороне, он как бы и не твой. Второй раз влезать в это ярмо – неохота. Вот он и уваливает от сколько-нибудь серьёзных отношений, лишний раз подтверждая свою репутацию инфантила и никчёмности.

Эта репутация ложная? Он не такой? Самое интересное – такой! И ТАКИМ его сделала женщина. Не конкретная (хотя часто есть и конкретная, приложившая руку – мама, жена, подруга), а коллективная женщина. Та самая – эмансипэ. Чем более мужественна женщина, тем более женствен мужик. Поскольку это игра с фиксированной суммой. Недаром давно замечено: бой-бабы находят себе тихих и застенчивых мужичишек, а никчемушницы (с современной точки зрения) часто отлавливают высокоранговых самцов.

Атмосферу в обществе создаёт женщина. Мужик решает практические задачи, ему не до того. Мужчина неосознанно отвечает на запрос женщины. Когда она начала играть на его поле, соревноваться с ним в профессии, в бизнесе – он рыцарственно подвинулся, давая ей проявить себя. Потом ещё подвинулся, потом ещё - и оказался уже совсем на обочине. Если она такая могучая, крикастая, авторитетная – ему просто ничего не остаётся, как стать никчёмным. Женщины сами сделали их никчёмными – а потом к ним же предъявляют претензии. Поразительно, что этого никто не понимает.

Падение общей пассионарности белого человечества связано с женским равноправием. Женщины стали плохонькими мужиками, поэтому мужикам ничего не оставалось, как обабиться.

***«Какой забавный общества этап,
Коварно подготовленный веками:
Мужчины стали чем-то вроде баб,***

А женщины - почти что мужиками», - правильно заметил советский поэт Евгений Евтушенко много лет назад.

Обабливание мужчин сегодня считается даже чем-то прогрессивным и замечательным. Мужчины присутствуют при родах, сидят с младенцами в декрете. Это типичная институционализация того, что есть. Раз уж так получилось, что мужики у нас бабы, а бабы – отчасти мужики – объявим ЭТО естественным, неотвратимым и даже прекрасным. Очень современным, достойным и замечательным. И это по-своему логично: раз мужчины и женщины – это почти что одно и то же, то и функции их одинаковы.

И не моги в этом сомневаться, а не то прослывёшь замшелым ретроградом. И постепенно люди перестают замечать, что равенство мужчин и женщин – нелепость. Зачем им быть равными? Они – две стороны, два проявления одного – человека. У них, у каждого, свои задачи. Им не надо соревноваться и играть на чужом поле.

Сто лет назад об этом хорошо написал Лев Толстой в рецензии на рассказ Чехова «Душечка»: блюсти покой и достоинство своей семьи гораздо полезнее, чем отправлять чужие депеши. (Тогда образцом продвинутой работающей женщины была телеграфистка, вроде как нынче программистка или финансистка). У женщины много дела дома, если серьёзно отнестись к этому делу. Если детей несколько, если не просто раздавать нахлобучки, а воспитывать и учить – дела хватит. Любопытно, что, когда начались рассуждения о женском избирательном праве (движение т.н. суфражисток), типичным возражением было вовсе не то, что женщины глупы. Вовсе нет. Говорили, что женщины и так имеют слишком много обязанностей по дому, чтобы на них ещё навешивать новую обязанность – вникать в перипетии политической борьбы, программы разных партий и всё прочее. В ту рациональную эпоху ещё не додумались, что можно «голосовать сердцем» и выбирать политика, потому что он милашка или на нём костюмчик хорошо сидит.

Та атмосфера бабства, разлитая в обществе, ведёт нас к последней черте. Ни с кого нельзя сегодня ни за что всерьёз спросить, никого нельзя огорчить и потревожить. Никакое полезное, но непопулярное решение не имеет ни единого шанса быть принятым. Вот буквально сейчас прошла информация: первый зам председателя Центробанка Алексей Улюкаев считает, что пенсионная система наша – неререформируема. Надо возвращаться к прежней, советской. Какого же чёрта вожжались с этой реформой битых два десятка лет? Кто те вредители и враги народа, по чьей милости государство потеряло многие миллиарды? Кого надо немедленно расстрелять? Да никого. Так как-то получилось... И так во всём. Именно это я называю атмосферой бабства. Она носит всеобщий и всепроникающий характер. И точно то же самое на Западе. У нас, как в стране мирового гротеска, просто всё карикатурнее.

Дойдём мы до последней черты – тогда волей-неволей у общества появятся настоящие задачи. Мужские задачи - когда либо сделай, либо сдохни. Тогда на первый план естественным образом выйдут мужчины. Они будут на острие атаки. А женщины естественным образом станут их тылом. И не будет почвы для выяснения, кто главный и кто кому равен. Каждый будет главным по-своему, у каждого будет свой «участок работы» - одинаково важный. Во всяком случае, один без другого невозможен и немислим.

Вот, в общих чертах, то, что хотелось мне сказать в женский праздник. Праздник прошёл, потому – заканчиваю.

Я хотела закончить, но по репликам читателей я поняла, что мысль моя – довольно, казалось мне, незатейливая – осталась во многом не прояснённой. Попытаюсь немного прояснить.

Я совершенно не спорю с тем, что то положение, которое имеют женщины сегодня, им удобно и приятно. Я и сама такая женщина, и мне не надо объяснять, что моя жизнь куда завиднее, чем у той же толстовской Долли. Ты сама себе хозяйка, зарабатываешь, ни от кого не зависишь, а повезёт – так и от тебя зависят. Я стремилась к такому положению и его получила. Это я тем, кто меня упрекает: нас-де на кухню загоняешь, а сама... Но речь-то не лично обо мне.

Объективно, в исторической перспективе, такое положение ведёт к депопуляции и вырождению белого человечества. Почему? Да потому что эти дамочки эмансипэ детей не рожают или рожают в минимальном количестве. Почему? Тоже понятно. Потому что скучно, есть развлечения и поинтересней. Сегодня женщина не самоутверждается как мать большого семейства, а самоутверждается в качестве самостоятельного работника вне дома. Здесь её сокровище, её амбиции, её интересы и т.д. Вот такая была моя мысль.

Которая как-то не была вполне понята, особенно женщинами. Иными словами: каждой хорошо, а всем вместе – плохо.

Тут, как мне кажется, многие не понимают одной фундаментальной вещи. Демократическая риторика приучила людей воображать, будто благо народа – это сумма благ отдельных людей. То есть если Ивану, Петру, Марье, Анне – хорошо и удобно, то автоматически (средневековый схоласт сказал бы *ipso facto*) это составляет благо народа. На самом деле это вовсе не так, хотя хотелось бы, чтоб было так, и всякие там кандидаты в депутаты врут, что так оно и есть. А оно – не так.

Отдельный человек живёт свою маленькую, короткую по историческим меркам, жизнь, и, конечно, хочет прожить её полегче и поприятнее. Но для того, чтобы сохранилось и расширилось общее – народ – приходится жертвовать приятностями отдельных людей ради общего. Народ – это не только ныне живущие люди – это некое, как говорили в 19-м веке, «историческое тело», это некая коллективная личность, чей век не 70 лет, а тысяча и больше. Эта личность имеет свои – исторические – задачи, амбиции, она мечтает о расширении своего присутствия и влияния в мире. Она, как и отдельный человек, мечтает о силе, славе, влиянии. Или не мечтает. Но так или иначе у народов есть некие исторические призвания, роли, как отдельный человек может быть призван к роли художника или учёного. Я не склонна обсуждать сейчас мировую роль России, но совершенно очевидно: какова бы она ни была – для её осуществления нужны русские люди. Если русские люди заместятся другими людьми – это будет другая история, другой народ и всё другое. Вот этому историческому образованию – народу в истории – и подчинены жизни отдельных людей. Возвращаясь к «женскому вопросу», можно сказать: для каждой тётеньки быть эмансипэ удобно и приятно, а для народа – убийственно. Вот такая была моя мысль.

Кто-то может сказать: а мне наплевать на народ, историю и всё прочее, я хочу реализовать свою неповторимую личность. Ну что ж, это тоже позиция. Хорошо об этом сказал «человек из подполья» Достоевского: мир пропадёт или мне сегодня чая не пить? Пускай лучше мир пропадёт, – заключает герой. Таков его выбор. Собственно, по факту такую позицию занимают большинство жителей продвинутых и прогрессивных стран. Французы, англичане постепенно и незаметно сдали свои страны и культуры пришлым народам. В качестве анестезии перед смертью (как народов) им предложили учение о толерантности, мультикультурности и политкорректности.

Вообще, мы сплошь да рядом сталкиваемся с тем, что МОЁ сиюминутное благо не совпадает с общим и глобальным. Выкинуть мусор в лесу, слить отходы в озеро (это из быта посёлка, где я живу) – субъективно очень удобно. Но если все так будут делать – надолго ни леса, ни озера не хватит. А отдельному человеку – очень удобно. Ездить на машине – удобно, мой сын без колёс как без ног. Но когда это делают все – жизнь становится невыносимой. И так во всём.

Что я предлагаю? Бабья дорога – от печки до порога? Ну это как понимать... А мужик-то крестьянин, что – в Нью-Йорк летал, пока его половина топталась от печки до порога? Эта поговорка всего-навсего говорит, что главное дело женщины – дома.

Её дело – дети. Помню, я когда-то сталкивалась со статистикой: в детсадах на пять детей один взрослый (включая всех: сторожей, поварих и т.д.). Так что никакого потрясающего прироста эффективности сад не даёт. Мама одноклассницы моей дочери, имеющая шесть гавриков, уже превысила эффективность сада.

Надо пропагандировать роль матери. Показывать, как это интересно, какая это творческая работа – воспитывать детей. Сегодня воспитывать детей не умеет практически никто. Прежде всего по той простой причине, что их очень мало. В

окружающей среде практически нет ОПЫТНЫХ воспитателей. Один-два – не количество. Вообразите, прораба, который построил один дом. Или журналиста, написавшего одну статью. Того и другого мы по справедливости назовём начинающим, стажёром, но уж никак не знатоком и умельцем. А ведь это тоже своего рода технология – воспитание.

Посмотрите, как грубо, скучливо говорят с детьми молодые мамашки на улицах и в супермаркетах. Буквально «стой тут» и «заткнись». Дети им докучны, они мешают, без них было бы лучше. Нет, они так не думают, в таких вот словах, но факты свидетельствуют именно об этом. Почти никто не умеет общаться с детьми, рассказывать им что-то. ЖИТЬ с детьми не умеют. Нахождение с детьми – это ощущается как время, вычеркнутое из жизни, некая антижизнь. Надо отбыть номер – ну она и отбывает. А вообще-то хорошо бы его куда-нибудь сдать – в лагерь что ли какой-нибудь... Если есть средства послать в заграничный лагерь – это снимает все вопросы и, главное, излечивает от ноющего чувства вины: что-то я не так делаю. От детей откупаются, вернее, не от детей, а от своего подсознательного чувства вины. Отсюда большие траты на них, бесконечные поездки, то, сё.

Научиться молодой матери не у кого. Её мать была такой же. Учить чему-то детей? Да я что – каторжная? Вот заплатить за суперпрестижную школу или учителю – это можно, если деньги есть. Я лично учила обоих детей иностранным языкам – сама. И довольно успешно. Так вот в своём окружении я больше таких примеров не знаю. Есть даже теория, что именно учить ребёнка мать не должна, это не её роль. Хотя Ушинский писал свою азбуку в расчёте на то, что учить по ней будет именно мать, дома. И во многих семьях к гимназии готовили дома матери. То есть начальную школу проходили дома.

Начинается-то обычно благостно. В младенцев молодые матери играют, как в куклу: растирают их, массируют, проводят пальчиковую гимнастику, учат читать с двух лет. (Есть такая методика – чтение с двух лет, правда, читают машинально, как Петрушка). А потом – бросают. И дети, читавшие в два года, не читают в десять. Быть матерью – скучно – вот истинная причина.

Многие считают, что материнский труд должен оплачиваться. Я не знаю, есть ли на это средства, если есть – можно было бы что-то подкинуть. Но просто деньгами дела не решишь. Всё равно работать вне дома будет проще и наваристей. Кстати об оплате. Когда-то мужчине платили зарплату больше, чем женщине за равный труд. Потом феминистки добились: за равный труд – равную зарплату. И никто не вспоминает: а почему раньше-то мужику платили больше? Ну, принято считать, потому что не было прогресса и прав личности. А на самом деле предполагалось, что мужик содержит семью. В его получке была доля жены и детей. А женщина, считалось, раз работает – значит одиночка, ей содержать никого не надо.

Сегодня порою быть матерью-одиночкой выгоднее, чем женой скромного труженика. И многие по факту имеющие мужа женщины (я наблюдала это в Ирландии) предпочитают числиться одиночками, чтобы не лишиться пособия. Так что если мы хотим укреплять семью – лучше доплачивать мужику. Но это так, беглые, предварительные соображения.

И – главное – пропагандировать, пропагандировать материнскую роль. Сделать её престижной. Ох, непросто... Но можно. Надо показать, как она замечательно интересна, эта роль. Какое это увлекательное занятие. Неинтересное сегодня ожно превратить в интересное завтра.

Интересность – вообще понятие историческое и социальное, а не чисто психологическое. Во всяком случае, оно принадлежит к сфере социальной, а не индивидуальной психологии. В моей молодости работа в банке считалась верхом убогости и занудства. Бухгалтер? Финансист? Да не дай бог! Тогда в финансовом институте и учили четыре года, а не пять, потому что чему там больше-то учить? После окончания выпускницы становились сразу директриссами сберкасс, потому что имели высшее образование, а рядовые сотрудницы сберкасс его не имели, незачем, считалось. Потом вдруг всё дивным образом переменялось и вдруг стало необычайно интересно, увлекательно, амбициозно, современно. Главное – престижно.

Конечно, взрослых тёток ты не «перекуёшь», но если взяться за школьниц-младшекласниц – вполне даже возможно. Но! Чтобы достичь результата, а не просто освоить бюджет, необходимо отменить свободу слова. В каком смысле? А в простом. Запретить всех этих звёзд, топ-моделей, гламурных телеведущих, которые сеют в сознании смуту и желание подражать. Подчёркиваю: запретить. Прекратить немедленно. Вовсе не так: в свободной дискуссии молодые девушки выберут, что им больше подходит – карьера Ксюши Собчак или героини фильма «Двадцать лет спустя», на который часто ссылаются мои читатели. Карьеры Ксюши Собчак быть не должно. Нет такой дороги. Почему? Да потому что фигурировать в мире гламура гораздо завлекательнее, чем возиться с сопливками. Героиней и образцом будет всегда гламурная дива. Так вот её быть не должно. Это если мы хотим всерьёз сдвинуть ситуацию. (Надеюсь, вы понимаете: ничего личного. Более того, мне лично тоже больше нравится карьера звезды, чем зачуханной мамашки).

Нормальная, среднестатистическая девчонка должна готовиться к роли мамы. Исключения всегда будут, но это уж какие-то особо талантливые, которые пойдут по профессиональной стезе. Кстати, помогать им не нужно, даже полезно слегка мешать. Если чего-то стОит – пробьётся. Единицы погоды не сделают. Остальные готовятся к роли жены и мамы.

Чему они должны учиться? Да пускай учатся на учительницу начальных классов. До революции была такая квалификация – «домашняя учительница». Девушка заканчивала в гимназии т.н. «педагогический класс» - один год, сдавала экзамены при учебном округе и получала свидетельство. Она могла преподавать в начальной школе, ну и, естественно, дома. Между прочим, иногда и в гимназиях преподавали. В школе, где учится моя дочка, была до революции гимназия. У них есть музей, а там кое-какие документы той поры. Я обратила внимание, что некоторые учительницы имели звание домашней учительницы. Вот так-то. А сегодня, чтобы преподавать в начальной школе, надо отсидеть пять лет в вузе. При этом говорят, что дореволюционная гимназия – это о-го-го! Не чета современной школе.

Вот, собственно, таковы мои соображения, что надо сделать, если хотим сохраниться. Ну а нет – на нет и суда нет.